

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕЯТЕЛЬ СОВЕТСКОГО ОПЕРНОГО ТЕАТРА

К 70-летию со дня рождения ЛЕОНИДА ВАСИЛЬЕВИЧА БАРАТОВА

Режиссер, педагог, человек

Время заставляет нас снова испытать чувство горечи — сегодня, 2 апреля, исполняется семьдесят лет со дня рождения Леонида Васильевича Баратова, и нам не суждено вместе с ним отметить эту дату. Мы потеряли его в прошлом году, полного энергии, жизнелюбия и, казалось, далекого от того, что зовется смертью.

Лет пять назад, встретив Леонида Васильевича после большого перерыва, я сказал ему в шутку: «Вы бы хоть для приличия чуть-чуть постарели». «А у меня есть эликсир молодости», — ответил Баратов, — и достался он мне от Немировича-Данченко!.

Действительно, меньше всего пристало к этим людям слово «старик». А ведь порой оно легко уживается с иным сорокалетним!

Леонид Васильевич Баратов стоял у колыбели советского музыкального театра. Вместе со знаменитой «Лизистратой», первым в свите великих реформаторов сцены Вл. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского, он вышел из стен МХАТа в сферу музыкального театра и остался верным ей навсегда. Случайность? Нет, закономерность! Закономерность в том, что музыка всегда жила в нем, как часть его художественной души. Закономерность и в том, что оперное искусство больше всего нуждалось в режиссере-музыканте, режиссере, талант которого мог синтезировать прогрессивное учение передового драматического театра с оперными традициями и монументальностью жанра, как они тогда представлялись искусством знаменитой «музыкальной академии».

В Большой театр Л. Баратов пришел не «ломать традиции», а подчинить их логике и правде искусства. «Князя Игоря», «Бориса Годунова» или «Псковитянку» он ставил в тех же масштабных приемах, осязаемых привычками и запросами укоренившихся вкусов. Столь же, как и раньше, был ярок и размахист его соратник по постановкам — Федор Федорович Федоровский, столь же грандиозны, как и раньше, были массовые сцены...

Все то же, но все... другое. Другое в принципе, в сути, в сердцевине художественного образа. Формально-развлекательная пышность и красота изгонялись серьезностью событий, достоверностью характеров, организацией общей образности идеи.

Л. Баратов пришел в Большой театр и остался верным его искусству до конца своих дней. Это была его вера, его творческое лицо, это определяло его художественные принципы, неповторимые и неизменные. Они были созданы в Большом театре, Большим театром и для Большого театра.

Л. Баратов был режиссером Большого театра, когда ставил спектакли в Свердловске или Перми, когда работал в Ленинградском театре имени С. М. Кирова или Московском имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Леонида Васильевича можно было бы назвать «однолюбом» в искусстве, если бы не было у него еще одной благородной привязанности — привязанности, которой он тоже никогда в своей жизни не изменял. Он педагог, воспитатель целой армии актеров и режиссеров. Он учил в двадцатых годах нашего века, в тридцатых, сороковых, пятидесятых, вплоть до 1964 г. Когда наступила его смерть, он был руководителем кафедры музыкального театра Государственного института те-

атрального искусства им. А. В. Луначарского, вел там на двух курсах актерское мастерство, учил режиссеров, и в руках у него был клавиш «Сказания о невидимом граде Китеже» — очередной постановки в Большом театре.

Творческая жизнь Леонида Васильевича не была обособленной, она всегда была связана с коллективом, в котором он работал, она была связана с жизнью каждого артиста, с которым он работал. Он всегда стремился с первой же встречи установить с артистом дружеские и даже панибратские отношения, и установить не просто так, а для дела. Не случайно он каждого артиста с первой же репетиции звал по имени и «на ты». Ему для этого не надо было «съесть пуд соли» или «пить на брудершafft». Ему достаточно было одной репетиции, на которой уничтожалась всякая официальность, мешающая быть открытым с актером. «Жорж», «Наташа», «Сергей», «Боб» звучало в его устах как властное приращение к творческой дружбе, к стиранию всех возможных препятствий, к установлению ясных взаимоотношений. Этому служило и его остроумие. Вокруг него часто собирались любители послушать его занятные рассказы. Каждый из слушателей после этого трижды увеличивал свое доверие к режиссеру, столь нужное в работе.

Злое и беспощадное замечание он облачал в такую остроумную и образную форму, что любому приходилось «проглотить обиду» и запомнить замечание на всю жизнь. Ставя в тридцатых годах «Князя Игоря», Л. Баратов на репетиции, после сцены пожара, крикнул из зала мужскому хору, мало тогда беспокоившемуся о правде сценического поведения: «Что же вы стоите, как несоразмерные шкафы!». Дерзко, резко! Но как образно и точно. Разве можно было на это обидеться? Но запомнить пришлось надолго!

Желая обратить внимание режиссера на необходимость строго отбирать кандидатов при приеме в ГИТИС, он регулярно повторял: «Мне надоело перекрашивать кроликов в бобров!». Или о плохом составе исполнителей в спектакле говорил: «Чтобы сварить плов из зайца, надо, по крайней мере, иметь кошку!».

Не любил он тенденцию искусственного расхваливания того или иного спектакля: «Сколько ни кричи: «Халва, халва!» — слаще от этого во рту не будет».

Леонид Васильевич любил крылатое словцо, но это было не зубоскальством, а завидным умением точно определить суть дела, облачать ее в форму, которую невозможно пропустить мимо ушей.

Мы отмечаем семидесятилетие Леонида Васильевича Баратова без него, но с нами его «Борис Годунов», «Хованщина» и «Чародейка», «Князь Игорь» и «Иван Сусанин». С нами спектакли, поставленные им в театре имени С. М. Кирова, театре имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. С нами его многочисленные ученики — режиссеры и актеры. С нами вместе он добивался признания искусства Большого театра в Милане. С нами он в радостях и горестях театра, членом коллектива которого он всегда был и остается.

Б. ПОКРОВСКИЙ,
народный артист СССР,
профессор.

Л. Баратов выступает 22 апреля 1964 г. в Доме культуры завод «Станколит», «Борец» и «Спецстанок» на творческом вечере С. Лемешева. Это — один из последних снимков Леонида Васильевича.

Даты жизни и творчества

Леонид Васильевич Баратов родился 2 апреля (20 марта) 1895 г. в Москве. Учился на юридическом факультете Московского университета. В 1918—1920 гг. стал учеником, а затем и актером драматической студии Е. Вахтангова; 1920—1922 гг. — актер Второй студии Московского Художественного театра.

В 1922 г. был приглашен Вл. И. Немировичем-Данченко в состав музыкальной студии Московского Художественного театра. Здесь он выступает как актер и режиссер, принимает участие в 1923 г. в постановке спектакля «Лизистрата» в музыкальной студии Художественного театра.

С 1931 по 1936 г. работает в качестве режиссера-постановщика Большого театра и руководителя Филиала.

С 1936 по 1938 г. является главным режиссером Свердловского театра оперы и балета.

С 1938 по 1943 г. работает как главный режиссер Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова.

С 1943 г. становится главным режиссером Большого театра.

С 1950 г. работает главным режиссером Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко.

Л. В. Баратов поставил более 50 спектаклей. Наряду с постановками произведений русской классики — «Иван Сусанин», «Борис Годунов», «Хованщина», «Псковитянка», «Князь Игорь», «Мазепа», «Царская невеста», «Чародейка» — он много работал над советским оперным репертуаром, осуществив постановку опер «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Броненосец «Потемкин», «Семья Тараса», «Никита Вершинин».

С 1926 г. занимался педагогической работой, с 1947 г. являлся профессором кафедры режиссуры Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского.

В 1958 г. Л. В. Баратову было присвоено звание народного артиста РСФСР, он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, пять раз ему присуждались Государственные премии за постановку спектаклей — «Емельян Пугачев» (1943 г.), «Борис Годунов» (1949 г.), «Мазепа» (1950 г.), «Хованщина» (1951 г.), «Семья Тараса» (1952 г.).

Сцена из первого действия спектакля «Хованщина».

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ АРТИСТОВ

Имя народного артиста РСФСР, профессора Леонида Васильевича Баратова, одного из крупнейших оперных режиссеров нашего времени, неразрывно связано с историей Большого театра.

Поставленные им шедевры мировой оперной классики — «Борис Годунов» и «Хованщина» М. Мусоргского, «Мазепа» и «Чародейка» П. Чайковского, «Князь Игорь» А. Бородина, «Псковитянка» Н. Римского-Корсакова — вошли в золотой фонд советского оперного театра. И не случайно в репертуар гастролей Большого театра в Милане были включены спектакли «Борис Годунов» и «Князь Игорь», имевшие большой и заслуженный успех у итальянских ценителей музыки — и среди зрителей и в прессе. Так, газета «Унита» писала: «Борис Годунов» в постановке Большого театра — спектакль притягательной силы, спектакль, рожденный и предназначенный для народа».

летничая, где при его непосредственном активном участии всегда царил атмосфера творческого созидания. Сбросив пиджак, засучив рукава всегда белоснежной рубашки, Леонид Васильевич заражал всех своим огромным темпераментом, энтузиазмом, неподдельным увлечением своей работой. Именно работой, которая в результате приводила весь коллектив к творческим успехам. Он был беспощадно требователен не только к артистам, но прежде всего к самому себе. На его репетициях всегда было интересно, каждый раз мы, артисты, уходили с них обогащенные, узнавали новое и полезное для себя. И всегда работа с Л. Баратовым проходила в обстановке дружеской взаимопомощи и взаимопонимания.

Будучи человеком огромной эрудиции, Леонид Васильевич был очень внимателен к исполнителям, чутко прислушивался к их советам, предложениям и пожеланиям и всегда принимал их, если они при-

Сцена из четвертого действия спектакля «Чародейка».

Леонид Васильевич Баратов всегда работал в тесном контакте с дирижером — музыкальным руководителем спектакля и художником-постановщиком. Я вспоминаю подлинный творческий союз Леонида Васильевича и Николая Семеновича Голованова, союз, в результате которого репертуар Большого театра обогатился такими выдающимися спектаклями, как «Борис Годунов» и «Хованщина».

Мои первые шаги на оперном поприще непосредственно связаны с Леонидом Васильевичем. В первый же год работы в Большом театре мне была поручена ответственной партией Досифей в опере «Хованщина».

Всегда аккуратный, подтянутый, несколько официальный, Л. Баратов подавал нам, артистам, пример высочайшей самодисциплины. Но как он преображался на ре-

носили пользу работе над спектаклем. Он постоянно воспитывал в артистах умение трудиться, говорил, что труд, повседневная работа над совершенствованием своего мастерства являются залогом успешного творческого развития артиста.

Под непосредственным руководством Леонида Васильевича и его активной творческой помощи я готовил также другие партии — Ивана Грозного в «Псковитянке» и Бориса Годунова, партии, ставшие одними из любимых в моем репертуаре.

Спектакли, поставленные Л. Баратовым на сцене Большого театра, живут десятилетиями, они не теряют своей первоначальной свежести и молодости. И нам, их участникам, необходимо прилагать все усилия к тому, чтобы спектакли эти всегда проходили на том же высоком художественном уровне, как и при жизни Леонида Васильевича, чтобы сохранилось его режиссерское решение, его мизансцены, его сценическое прочтение партитур опер. Это и будет знаком нашего уважения к творчеству выдающегося режиссера и педагога советского оперного театра.

А. ОГНИВЦЕВ,
народный артист СССР.

СОВЕТСКИЙ
АРТИСТ

3

2 апреля 1965 г.